

В ее ведении и покраска пола, и обновление иконостаса: «Я специально сюда и сделала такие крестики. Это вырезала из картин вот. Из календарей из таких. Вот как вот календарь вот теперь, церковные календари продают. От эти иконки я тоже делала с календарей, оттуда. [Это можно иконой считать?] Да-а. А потом, когда отец Николай приезжает, да? Я ему говорю, что эта, вот эту, — эта новосделанная. И он еще освятит их, и все. Пожаруйста» [1].

Александр Шеин ушел из жизни совсем недавно. Односельчане предлагают несколько объяснений этой преждевременной смерти, надо заметить, не взаимоисключающих: надорвался, возводя в одиночку не игрушечные, в общем-то, строения; сказались последствия двух инсультов; или просто «умер с перепою».

Построить дом, посадить дерево, вырастить сына. Александр Шеин успел вырастить сына и построить три дома. Божьих дома.

Список информантов

1. Мария Модестовна Сахарова, 1933 г.р., д. Ярчево.
2. Елена Геннадьевна Гноц, 1975 г.р., пос. Красноборский.
3. Клавдия Михайловна Устинова, 1928 г.р., пос. Красноборский.
4. Тамара Ивановна Полякова, 1936 г.р., пос. Красноборский.
5. Анна Тимофеевна Петрова, 1933 г.р., д. Ярчево.

К.А. ХОМЯКОВА,
студентка 4 курса РГУ (Москва)

ИЗ НАБЛЮДЕНИЙ НАД РЕЛИГИОЗНОЙ СИТУАЦИЕЙ В ПУДОЖСКОМ РАЙОНЕ

Религиозная ситуация в деревнях Нигижма и Каршево и пос. Красноборский Пудожского р-на достаточно своеобразная для сельской Карелии, что связано, в первую очередь, с очень неоднородным населением. Оно делится на исконных жителей района и приезжих, которые стали селиться в бывшем военном городке Красноборский, превратившемся в итоге в центр округи; часть жителей Нигижмы даже переезжают на зиму в построенные там пятиэтажные блочные дома.

Именно там и расположен единственный в округе Красноборский православный приход. Однако в поселке до сих пор нет храма: создатель прихода и председатель приходского совета Алексей Алексеевич Поляков сумел купить у местных предпринимателей за бесценок дом под церковь, но так и не сумел воодушевить своих прихожан на то, чтобы этот дом отремонтировать. В Пудожском р-не есть еще один такой же приход без храма — в пос. Шальский.

Алексей Алексеевич сам по себе фигура достаточно колоритная. Он и его жена — верующие и воцерковленные люди; у них — что в округе редкость — дома есть полный текст Библии, которую они, по их словам, регулярно читают. Свою религиозную культуру они привезли с родины Алексея Алексеевича, из Восточной Украины. Его мать, которая осталась жить в г. Красногоровка (Донецкая обл.), вплоть до начала 1990-х гг. привозила им тетрадки со списками церковной службы и молитв.

У подавляющего большинства местных жителей к моменту распада СССР не было и таких текстов. Карелия, наряду с Белоруссией, была полигоном эксперимента по усиленному внедрению атеизма, и последний храм в республике был закрыт уже в 1941 г.

С падением советской власти началось постепенное возрождение религиозной жизни. В 1994 г. во всей Карелии было тридцать приходов. К началу 2005 г. в одном только Пудожском р-не уже насчитывалось шесть действующих храмов и восемь приходов¹. Однако в районе есть всего три священника, которые не толь-

ко не успевают окормлять всю паству, но даже иногда вступают в конфликты из-за «сфер влияния»: в Каршево это закончилось тем, что два пудожских батюшки, однажды столкнувшись ко взаимному неудовольствию на празднике в деревенской часовне (о ней — ниже), на следующий год не приехали оба.

Конкуренцию православным священникам в Пудожье составляют финские протестантские миссионеры, которые разезжают по деревням с громкоговорящими и проводят службы под открытым небом, сопровождая это раздачей религиозных брошюрок. Местные жители их в основном чужаются, но в «финскую веру» впали несколько старушек из Нигижмы; одна из них даже попробовала окрестить у протестантов соседских детей. Однако Алексей Алексеевич попросил их предъявить разрешение на миссионерскую деятельность, а поскольку зарегистрирована финская община только в Пудожье, пришлось финам уехать.

Пробелы в религиозном знании и недостаток церковных ритуалов заполняют традиционные культовые формы. В д. Нигижма до сих пор сохраняются воспоминания о роднике, к которому когда-то ходили с крестными ходами. И если этот родник сейчас заброшен, то недалеко от д. Каршево есть «действующий»: там стоит новенький деревянный крест. Такие кресты стояли раньше в разных местах по округе, отмечая места старых разрушенных часовен. На месте некоторых из них местный зодчий Александр Шеин построил новые маленькие часовни². Их освятил священник из Пудожа, на престольные праздники там проходят службы. Все эти часовни расположены в отдалении от Красноборского и не связаны с красноборским приходом, хотя Алексей Алексеевич о них осведомлен и лично знал их строителя.

Жители окрестных деревень время от времени посещают часовни, чтобы помолиться и поставить свечку перед иконой. Согласно местной традиции, на стоящие внутри кресты вешают расшитые платки: «... вот тут часовенка в Каршевой. В эту часовенку тоже давала и полотенце, и пла-

ток и всё туда тоже несла. [Зачем вы это делали?] Это завет такой, штобы здоровья Бог дал. Пелены называются, пеленки такие» [1].

Дома практически все в красном углу держат иконы, но почти у всех какие-то иконы украдены: трудно найти дом, в который бы не залезли грабители. Отношение к иконам разное. Кто-то хранит их, потому что так было всегда: «[Зачем нужно держать дома икону?] Как зачем... А где их держать? Иконку надо держать в доме. [Она как-то помогает?] Да, помогает, конечно. Без Бога, — говорят, — ни до порога. [А что это значит?] М-м? А што значит... Не знаю, што значит, так надо, так принято» [2].

Кто-то держит иконы из суеверных соображений, для защиты. Например, жена главы местного лесхоза сначала объясняла, что икону над телевизором вешать нельзя, но потом созналась, что у нее там висит Неопалимая Купина — «все-таки электричество». Список Неопалимой Купины отнес на свою пасеку и Алексей Алексеевич, помня о случившемся неподалеку страшном пожаре. Для того же и вербные ветки за иконой: «[А сколько они должны там быть?] А пусть она стоит. Скот со... сохраняет» [3].

Когда батюшка приезжает в округу, его стараются подловить, чтобы окрестить детей или освятить дом (например, чтобы перестали приходить умершие родственники): «[Что изменится, если батюшка окропит дом?] Ну, может быть, какая-то сила будет как-то <...> охрана какая-то... штоп охраняла это всё» [4]. С этими же соображениями может быть связано и желание окреститься: «Ну, фсе крещёные теперя здесь в доме, как одна хозяйка осталась [после смерти мужа], за старшего» [4]. Самые ревностные прихожане ездят на большие религиозные праздники в Пудож или Петрозаводск.

Как уже говорилось, тексты Библии мало у кого есть, чуть чаще — тетрадки с молитвами. Впрочем, большинство людей знает всего 3-4 молитвы; в том числе обязательную «Отче наш»: «Это, утром фстань — фсегда скажи "Во имя Отца и Сына и Святого Духа. Аминь". И еще

можно эту молитву — "Отче наш". Обязательно почитать на день Господень надо» [2]. В их число могут входить и фольклорные молитвы-заговоры, как, например, «Сон Богородицы» и молитвы святым: «[Как помогает святой Никола?] Вот... Да. Вот в дорогу поедешь, дак молитву читают. "Ангел нафстречу, Христос по пути, Царица небесная нас фпреди, Георгий победоносец, врагоф победы, Николай Чудотворец, спаси и сохрани"» [2].

Кроме Алексея Алексеевича с женой и нескольких женщин, родившихся здесь, к активно верующим относится также живущая в д. Нигижма семья Елизаветы Николаевны Граховской (1943 г.р.), цыганки родом из Баку, известной в округе знахарки. У нее налажены связи с родственниками и приходом в Вологодской обл., и крестить своих детей Елизавета Николаевна хочет там. Излагаемые ею представления о месте веры в ее жизни имеют отчасти «пропагандистский» характер: она говорит об особом отношении к Богу у цыган и о вытекающей отсюда особой цыганской нравственности. «[Об умении гадать] На все нужен дар Божий. И верить в Господа Бога. Это самое главное. А мы верим в Бога, все. Кто вот есть наша нация — очень верим в Бога и любим ево. Без Бога мы никуда. Бог для нас самое главное в жизни». Несколько пренебрежительное отношение местных к «цыганке Лизе» отчасти скрашивается тем, что наиболее знающие называют ее «белой», т.е. хорошей, цыганкой. С верой Елизавета Николаевна связывает и умение лечить: «И лечение помогает — Бог. Без Бога ничево не делается. Не верить — Бог — значит, ты уже... ты не лечишь».

Однако большинство местных жителей слабо увязывают веру и образ жизни. У сравнительно молодых людей образ Бога сильно разнится. «Надо, чтобы человек... вот заложил в себе вот это вот очень глубоко — вера... слово-то такое — вера, именно, чтобы он и чтоб ничто не могло эту веру поколебать, понимаешь? А Бог, ну Бог — мы же не дети, не сидит там кто-то сверху. Бог, он создал человека по подобию своему, то есть частичка... мы частичка этого единого целого. Этой вот, понимаете... Он в нас. Бог — это еще и мы. Он — мы, а мы — это он, понимаете?» [5]; «[Бог — это что-то похожее на человека?] Ну наверное, на человека похоже. Или просто он у меня такой, потому что фильмы такие смотрела — вот про Иисуса Христа. Возраст, ну, думаю, от тридцати пяти до сорока пяти, прямо вот как Иисус Христос. Вот как-то с ним сравнивается. Хотя он там в тридцать три года, по-моему... <...> С одной стороны, он как человек, с другой — как воздух, воздушное что-то вот... Ощущение, что все время смотрит на тебя, но что-то невесомое» [6].

Для менее философски настроенного большинства Бог — это просто некто, оказывающий помощь в разных неурядицах. «Представляю я Бога почему-то всегда, вот, добрым, чтоб он должен... помогает. Вот, сколько я... допустим, когда трудно, я всегда вспоминаю Бога, чтоб он мне помог» [7]. С мыслью о том, что с Божьей волей могут быть связаны и неурядицы, смириться не всегда просто: «[Неприятности тоже Бог посылает?] ...Вот если задумано это случиться, это все равно случится, — не предвидишь ничего, не остановишь. [А кем задумано?] Наверно, все равно Богом» [7].

После нескольких критических ситуаций, которые благополучно завершились, обратился к Богу и Алексей Алексеевич Поляков. Представления о суровой и неотвратимой Божьей каре сохраняются только у самых пожилых людей, например, у Марии Николаевны Суховой (1911 г.р.), которая уверена, что Бог наказал ее долгой жизнью за то, что когда-то в молодости она помогала разорять местные церкви.

Душа человека иногда представляется ареной столкновения ангела-хранителя и нечистой силы. «Я такую историю знаю, что, если, например, я сплю, я могу лежать на левом боку. Мне говорят, надо спать на левом боку. За левым боком черт, а ангел пусть отдыхает. У нас все время в детстве заставляли: "Ложись на правый бочок, ложись на правый бочок". Оказывается, надо на левом боку спать. Я его... придавишь его туда, что он там сам (?) мучился. А ангел пусть отдыхает» [8]; «[Нечисть] это противостояние божественным силам. И она так же, как ангел-хранитель, может жить в человеке, — нечистые люди есть» [6].

Становятся более близкими к обычным надеждам и чаяниям людей и представления о рае. Там танцуют и поют [4], «все люди встречаются в том возрасте, в котором они умирают. Или в котором они хотели бы там себя видеть, — в том возрасте» [6]. Пожилые люди, напротив, скорее склонны рисовать в своем воображении кипящую смолу преисподней и очень неуверенно чувствуют себя, если попросить их представить себе рай.

Нарисовать некую общую картину религиозной жизни и религиозного сознания жителей района практически невоз-

Разрушенная Ильинская часовня у д. Каршево. 2005 г. Фото А.Л. Топоркова

можно. Можно лишь отметить крайнюю разобщенность людей. Так, Елизавета Николаевна Граховская совершенно не испытывает желания интегрироваться в местную духовную жизнь, не интересуется приходом в соседней деревне (до которой идти пешком минут сорок), не посещает часовенки. Сам приход объединяет в себе всего пятнадцать человек, хотя верующими считают себя гораздо большее число жителей. Традиционная вера пожилых людей имеет очень мало точек соприкосновения с религиозными чувствами более молодых. Единственный всеобщий центр притяжения — это время от времени приезжающий батюшка, который служит в часовенках, крестит в озере, окропляет дома. В остальное время граждане предпочитают искать спасения поодиночке.

Примечания

¹ Щипков А. Православная провинция. Петрозаводск // Щипков А. Соборный двор. М., 2003. С. 31—36.

² Подробнее об этих часовнях и их строителе см.: Хомякова К.А. Каршевские часовни // ЖС. 2006. № 1.

Список информантов

1. Клавдия Михайловна Устинова, 1928 г.р., пос. Красноборский.
2. Евгения Федоровна Климова, г.р. неизвестен, живет в д. Нигижма с 1949 г.
3. Мария Александровна Ланева, 1926 г.р., д. Нигижма.
4. Наталья Николаевна Шеина, 1962 г.р., д. Каршево.
5. Любовь Ивановна Селезнёва, 1948 г.р., пос. Красноборский.
6. Елена Геннадьевна Гноц, 1975 г.р., пос. Красноборский.
7. Анна Александровна Елина, 1960 г.р., д. Каршево.
8. Татьяна Николаевна Картина, 1956 г.р., д. Каршево.